З. ГИППІУСЪ.

ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ.

1914—1918.

З. Н. ГИППІУСЪ

ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ

1914—1918

ПЕТЕРБУРГЪ
1918

Александр Тиняков
20 (7) сентября 1918
Москва

НЕПРЕДВИДѢННОЕ

1913 г.

По Слову Извѣчно-Сущаго
Безсмѣненъ потокъ временъ.
Чую лишь вѣтеръ грядущаго,
Новаго мига звонъ.

Съ паденьемъ идетъ, съ побѣдою?
Оливу несетъ, иль мечъ?
Лика его я не вѣдаю,
Знаю лишь вѣтеръ встрѣчъ.

Летятъ не здѣшними птицами
Въ кольцо бытія, впередъ,
Миги съ закрытыми лицами....
Какъ удержу ихъ летъ?

И въ тѣсности, въ перекрѐстности, —
Хочу, не хочу-ли я —
Черную топь неизвѣстности
Рѣжетъ моя ладья.

ТИШЕ

„...Славны будутъ великія дѣла...“
Сологубъ.

Поэты, не пишите слишкомъ рано,
Побѣда еще въ рукѣ Господней.
Сегодня еще дымятся раны,
Никакія слова ненужны сегодня.

Въ часы неоправданнаго страданья
И нерѣшенной битвы
Нужно цѣломудріе молчанья
И, можетъ быть, тихія молитвы.

Августъ 14.

АДОНАИ

Твои народы вопіютъ: доколь?
Твои народы съ сѣвера и юга.
Иль ты еще не утоленъ? Позволь
Сынамъ земли не убивать другъ друга!

Не ты-ль разбилъ скрижальныя слова,
Готовя землю для иного сѣва?
И вотъ опять, опять ты — Іегова,
Кровавый Богъ отмщенія и гнѣва!

Ты розлилъ дымъ и пламя по морямъ,
Водою алою одѣлъ ты сушу.
Ты губишь плоть... Но, Боже, матерямъ —
Твое оружіе проходитъ душу!

Ужели не довольно было Той,
Что подъ крестомъ тогда стояла, рано?
Нѣтъ, не для насъ, но для Нея, Одной.
Желѣзо вынь изъ материнской раны!

О, прикоснись къ дымнобагровой мглѣ
Не древнею грозою, — а Любовью.
Отецъ, Отецъ! Склонись къ Твоей землѣ:
Она пропитана Сыновней кровью.

14.

ОТДЫХЪ

Слова — какъ пѣна,
Невозвратимы и ничтожны.
Слова — измѣна,
Когда молитвы невозможны.

Пусть длится дленье.
Не я безмолвіе нарушу.
Но исцѣленье
Сойдетъ-ли въ замкнутую душу?

Я знаю, надо
Сейчасъ молчанью покориться.
Но въ томъ отрада,
Что дленіе не вѣчно длится.

„ПЕТРОГРАДЪ"

Кто посягнулъ на дѣтище Петрово?
Кто совершенное дѣянье рукъ
Смѣлъ оскорбить, отнявъ хотя бы слово,
Смѣлъ измѣнить хотя бъ единый звукъ?

Не мы, не мы... Растерянная челядь,
Что, властвуя, сама боится насъ!
Все мечутся, да чьи-то ризы дѣлятъ,
И все дрожатъ за свой послѣдній часъ.

Измѣнникамъ измѣны не позорны.
Придетъ отмщенію своя пора...
Но стыдно тѣмъ, кто, весело-покорны,
Съ предателями предали Петра.

Чему бездарное въ васъ сердце радо?
Славянщинѣ убогой? Иль тому,
Что къ „Петрограду“ риѳмъ гулящихъ стадо
Крикливо льнетъ, какъ будто къ своему?

Но близокъ день — и возгремятъ перуны...
На помощь, Мѣдный Вождь, скорѣй, скорѣй!
Возстанетъ онъ, все тотъ же, блѣдный, юный,
Все тотъ же — въ ризѣ дѣвственныхъ ночей,

Во влажномъ визгѣ вѣтреныхъ раздолій
И въ бѣлоперистости вешнихъ пургъ, —
Созданье революціонной воли —
Прекрасно-страшный Петербургъ!

14 Дек. 14.

ВСЕ ОНА

Мѣдный грохотъ, дымный порохъ,
Рыжелицкія струи,
Тѣлъ ползущихъ влажный шорохъ...
Гдѣ чужіе? гдѣ свои?

Нѣтъ напрасныхъ ожиданій,
Недостигнутыхъ побѣдъ,
Но и сбывшихся мечтаній,
Одолѣній — тоже нѣтъ.

Всѣ едины, все едино,
Мы-ль, они ли... смерть — одна.
И работаетъ машина,
И жуетъ, жуетъ война...

14.

8

БѢЛОЕ

Рождество, праздникъ дѣтскій, бѣлый,
Когда счастливы самые несчастные...
Господи! Наша-ли душа хотѣла,
Чтобы запылали зори красныя?

Ты взыщешь, Господи, но съ насъ-ли, съ насъ-ли?
Звѣзда Виѳлеемская за дымами алыми...
И мы не знаемъ, гдѣ Царскія ясли,
Но все же идемъ ногами усталыми.

Миръ на землѣ, въ человѣкахъ благоволенье...
Боже, прими нашу мольбу несмѣлую:
Дай землѣ Твоей умиренье,
Дай побѣждающей одежду бѣлую...

14.

МОЛОДОМУ ВѢКУ

Тринадцать лѣтъ! Мы такъ недавно
Его привѣтили, любя.
Въ тринадцать лѣтъ онъ своенравно
И дерзко показалъ себя.

Вновь наступаетъ день рожденья...
Мальчишка злой! На этотъ разъ
Ни празднества, ни поздравленья
Не требуй и не жди отъ насъ.

И если раньше землю смѣли
Огнемъ сраженій зажигать —
Тебѣ-ли, Юному, тебѣ-ли
Отцамъ и дѣдамъ подражать?

Они — не ты. Ты больше знаешь.
Тебѣ иное суждено.
Но въ старые мѣха вливаешь
Ты наше новое вино!

Ты плачешь, каешься? Ну что же!
Міръ говоритъ тебѣ: „я жду“.
Сойди съ кровавыхъ бездорожій
Хоть на пятнадцатомъ году!

14.

НЕИЗВѢСТНАЯ

Ник. С—му.

Что мнѣ дѣлать со смертью — не знаю.
А вы другіе, — знаете? знаете?
Только скрываете, тоже не знаете.
Я же незнанья моего не скрываю.

Какъ ни живи — жизнь не отвѣтитъ,
Развѣ жизнью смерть побѣждается?
Сказано — смертью смерть побѣждается.
Значитъ, на всѣхъ путяхъ она встрѣтитъ.

А я ее всякую — ненавижу.
Только свою люблю, неизвѣстную.
За то и люблю, что она неизвѣстная,
Что умру — и очей ея не увижу...

15.

ЗЕЛЕНЫЙ ЦВѢТОКЪ

Зеленолистому цвѣтку привѣтъ!
Идемъ къ Зеленому дорогой красною,
Но зеленъ зорь весеннихъ тихій цвѣтъ,
И мы овѣяны надеждой ясною.

Пускай онъ спитъ, закрытъ — но онъ живетъ!
Въ Страстномъ томленіи земля весенняя...
Возстань, земля моя! И расцвѣтетъ
Зеленопламенный въ день воскресенія.

15.

„СВОБОДНЫЙ“ СТИХЪ

Приманной легкостью играя,
Зоветъ, влечетъ свободный стихъ.
И соблазнилъ онъ, соблазняя,
Лѣнивыхъ, малыхъ и простыхъ.

Сулитъ онъ быстрые отвѣты
И достиженья безъ борьбы.
За мной! За мной! И вотъ, поэты —
Стиха свободнаго рабы.

Они слѣдятъ его извивы,
Сухую ломкость, скрипъ угловъ,
Узоръ пятнисто-похотливый
Икающихъ и пьяныхъ словъ...

Немало словъ съ подоломъ грязнымъ
Войти боялись... А теперь
Какимъ ручьемъ однообразнымъ
Втекаютъ въ сломанную дверь!

Втекли, вшумѣли и вылились...
Гогочетъ уличная рать.
Чтожъ! Вы недаромъ покорились:
Рабы не смѣютъ выбирать.

Безъ утра пробилъ часъ вечерній,
И гаснетъ сѣрая заря...
Вы отданы на посмѣхъ черни
Коварной волею царя!

. . . .

А мнѣ — лукавый стихъ угоденъ.
Мы съ нимъ веселые друзья.
Живи, свободный! Ты свободенъ —
Пока на то изволю я.

Пока хочу — играй, свивайся
Среди ухабовъ и низинъ.
Звени, тянись и спотыкайся,
Но помни: я твой властелинъ.

И чуть запроситъ сердце тайны,
Напѣвныхъ риѳмъ и строгихъ словъ —
Ты въ хоръ вольешься неслучайный
Созвучно-длинныхъ, стройныхъ строфъ.

Многоголосы, тугозвонны
Онѣ полетны и чисты —
Какъ храма бѣлаго колонны,
Какъ неба снѣжнаго цвѣты.

НЕ О ТОМЪ

(Отвѣчавшимъ).

Два отвѣта: лиловый и зеленый,
Два отвѣта, и они одинаковы;
Быть можетъ и разны у насъ знамена,
Быть можетъ — своя дорога у всякаго.
И мы, страдая, идемъ, идемъ...
Вѣрю... Но стихъ-то мой не о томъ.

Стихъ мой — о волѣ и о власти.
Развѣ о боли? Развѣ о счастьи?

И кѣмъ измѣрено, и чѣмъ повѣрено
Страданье каждаго на его пути?
Но каждому изъ насъ сокровище ввѣрено,
И велѣно ввѣренное — донести.

Зачѣмъ-же „бездомно скучая“ ищемъ
На „мерзломъ болотѣ“ вялыхъ вѣхъ,
Гордимся, что слабы, и наги, и нищи?
Вѣдь „городъ прекрасный“ — одинъ для всѣхъ.
И надо, — мы знаемъ, — навѣкъ-ли, на мигъ-ли,
Надо, чтобъ города мы достигли.

Нищій придетъ къ бѣлымъ воротамъ
Въ рубищѣ рабства, унылый, какъ прежде...
Что, если спросятъ его: кто тамъ?
Другъ, почему ты не въ брачной одеждѣ?

Мой стихъ не о счастьи, и не о боли:
Только о власти, только о волѣ.

15.

МОЛОДОЕ ЗНАМЯ

Развейся, развейся летучее знамя!
По вѣтру вскрыли, трехцвѣтное!
Вставайте, живые, идите за нами!
Приблизилось время отвѣтное.

Три поля на знамени нашемъ, три поля:
Зеленое — Бѣлое — Алое.
Да здравствуетъ молодость, правда и воля!
Впередъ! Насъ зоветъ Небывалое.

НЕРАЗНИМЧАТО

Въ нашемъ Прежде — зыбко-дымчато,
А въ Теперь — и мглы, и тьмы.
Но срослись мы неразнимчато —
Вѣритъ Богъ! И вѣримъ мы.

15.

ЧЕРНЕНЬКОМУ

Н. Г.

Радостно люблю я тварное,
святой любовью, въ Богѣ.
По любви — восходитъ тварное
наверхъ, какъ по свѣтлой дорогѣ.

Темноту, слѣпоту — любовію
вкругъ тварнаго я разрушу.
Тварному даетъ любовь моя
безсмертную душу.

15.

СВѢТЪ

Стоны,
Стоны,
Истомные, бездонные,
Долгіе, долгіе звоны
Похоронные,
Стоны,
Стоны...

Жалобы,
Жалобы на Отца...
Жалость язвящая, жаркая,
Жажда конца,
Жалобы,
Жалобы...

Узелъ туже, туже,
Путь все круче, круче,
Все уже, уже, уже,
Угрюмѣй тучи,
Ужасъ душу рушитъ,
Узелъ душитъ,
Узелъ туже, туже…

Господи, Господи, — нѣтъ!
Вѣщее сердце вѣритъ!
Боже мой, нѣтъ!
Мы подъ крылами Твоими.
Ужасъ. И стоны. И тьма… — а надъ ними
Твой немеркнущій Свѣтъ!

15.

О ПОЛЬШѢ

Я сталъ жестокъ, быть можетъ...
Черта перейдена.
Чтò скорбь мою умножитъ,
Когда она—полна?

Въ предѣльности суровой
Нѣтъ „жаль“ и нѣтъ „не жаль“...
И оскорбляетъ слово
Послѣднюю печаль.

О Бельгіи, о Польшѣ,
О всѣхъ, кто такъ скорбитъ —
Не говорите больше!
Имѣйте этотъ стыдъ!

15.

ЕМУ

З. Г.

Радостные, бѣлые, бѣлые цвѣты…
Сердце наше, Господи, сердце знаешь Ты.

Въ сердце наше бѣдное, въ сердце загляни…
Близкихъ нашихъ, Господи, близкихъ сохрани!

15.

ОНЪ

Онъ принялъ скорбь земной дороги,
Онъ первый, Онъ одинъ,
Склонясь, умылъ усталымъ ноги
Слуга — и Господинъ.

Онъ съ нами плакалъ, — Повелитель
И суши, и морей.
Онъ царь и братъ намъ, и Учитель,
И Онъ — еврей.

15.

ВТОРОЕ РОЖДЕСТВО

Бѣлый праздникъ, — рождается предвѣчное Слово,
бѣлый праздникъ идетъ, и снова —
вмѣсто елочной, восковой свѣчи,
бродятъ бѣлые прожекторовъ лучи,
мерцаютъ сизые стальные мечи,
вмѣсто елочной, восковой свѣчи.
Вмѣсто ангельскаго обѣщанья,
пропеллера вражьяго жужжанья,
подземное страданье ожиданья,
вмѣсто ангельскаго обѣщанья.

Но вихрямъ, огню и мечу
покориться навсегда не могу
я храню восковую свѣчу,
я снова ее зажгу
и буду молиться снова:
родись, предвѣчное Слово!
затепли тишину земную,
обними землю родную...

15.

ТОГДА И ОПЯТЬ

Просили мы тогда, чтобъ помолчали
Поэты о войнѣ;
Чтобъ пережить хоть первыя печали
Могли мы въ тишинѣ.

Куда тебѣ! Набросились звѣрями:
Война! Войнѣ! Войны!
И крикъ, и кличъ, и хлопанье дверями...
Не стало тишины.

А послѣ, вдругъ, — таковъ у нихъ обычай, —
Военный жаръ исчезъ.
Изнемогли они отъ всякихъ кличей,
Отъ собственныхъ словесъ.

И, юное безвременно состарѣвъ,
Текутъ, бѣгутъ назадъ,
Чтобы запѣть, въ туманѣ прежнихъ маревъ, —
На прежній ладъ.

15.

БЕЗЪ ОПРАВДАНЬЯ

М. Г—му.

Нѣтъ, никогда не примирюсь.
Вѣрны мои проклятья.
Я не прощу, я не сорвусь
Въ желѣзныя объятья.

Какъ всѣ, пойду, умру, убью,
Какъ всѣ — себя разрушу,
Но оправданіемъ — свою
Не запятнаю душу.

Въ послѣдній часъ, во тьмѣ, въ огнѣ,
Пусть сердце не забудетъ:
Нѣтъ оправданія войнѣ!
И никогда не будетъ.

И если это Божья длань —
Кровавая дорога —
Мой духъ пойдетъ и съ Нимъ на брань,
Возстанетъ и на Бога.

15.

СТРАШНОЕ

Страшно оттого, что не живется — спится...
И все двоится, все четверится.
Въ прошломъ грѣховъ такъ неистово-много,
Что и оглянуться страшно на Бога.

Да и когда замолить мнѣ грѣхи мои?
Вѣдь я на послѣднемъ склонѣ круга...
А самое страшное, невыносимое, —
Это что никто не любитъ другъ друга...

16.

СЕНТЯБРЬСКОЕ

Полотенца луннозеленыя
на бѣломъ окнѣ, на полу.
Но желта свѣча намолёная
подъ верескомъ, тамъ, въ углу.

Протираю окно запотѣлое,
въ двухъ свѣтахъ на бѣломъ пишу...
О зеленое, желтое, бѣлое!
Что выберу?...
Что рѣшу?...

СЕГОДНЯ НА ЗЕМЛѢ

Есть такое трудное,
Такое стыдное.
Почти невозможное —
Такое трудное:

Это — поднять рѣсницы
И взглянуть въ лицо матери,
У которой убили сына.

Но не надо говорить объ этомъ.

16.

НЕПОПРАВИМО

Н. Ястребову.

Невозвратимо. Непоправимо.
Не смоемъ водой. Огнемъ не выжжемъ.
Насъ затопталъ, — не проѣхалъ мимо!
Тяжелый всадникъ на конѣ рыжемъ.

Въ гущѣ вязнутъ его копыта,
Въ смертной вязи, нераздѣлимой...
Смято, втоптано, смѣшано, сбито —
Все. Навсегда. Непоправимо.

16.

„ГОВОРИ О РАДОСТНОМЪ"

В. Злобину.

Кричу — и крикъ звѣриный...
Суди меня Господь!
Межъ зубьями машины
Моя скрежещетъ плоть.

Свое — стерплю въ гордынѣ...
Но — всѣ? Но если всѣ?
Терпѣть, что всѣ въ машинѣ?
Въ зубчатомъ колесѣ?

Ноябрь 16.

НА СЕРГІЕВСКОЙ

Н. Слонимскому.

Окно мое надъ улицей низко,
низко и открыто настежъ.
Рудолицкіе торцы такъ близко
подъ окномъ, раскрытымъ настежъ.

На торцахъ — фонарные блики,
на торцахъ все люди, люди...
И топотъ, и вой, и крики,
и въ метаніи люди, люди...

Какъ торецъ ихъ одежды и лица.
они, живые и мертвые, — вмѣстѣ.
Это годы, это годы длится,
что живые и мертвые — вмѣстѣ!

Отъ нихъ окна не закрою,
я самъ, — живой или мертвый?
Все равно... Я съ ними вою,
все равно, живой или мертвый.

Нѣтъ вины, и никто — въ отвѣтѣ.
нѣтъ отвѣта для преисподней.
Мы думали, что живемъ на свѣтѣ...
но мы воемъ, воемъ — въ преисподней.

Ноябрь 16.

ЮНЫЙ МАРТЪ

„Allons, enfants, de la patrie...“

Пойдемъ на весеннія улицы,
Пойдемъ въ золотую метель.
Тамъ солнце со снѣгомъ цѣлуется
И льетъ огнерадостный хмель.

По вѣтру, подъ бѣлыми пчелами,
Взлетаетъ пылающій стягъ.
Цвѣти межъ домами веселыми
Нашъ гордый, нашъ мартовскій макъ!

Еще не изжито проклятіе,
Позоръ небывалой войны.
Дерзайте! Поможетъ намъ снять его
Свобода великой страны.

Пойдемъ въ испытанія встрѣчныя
Пока не опущенъ нашъ мечъ.
Но свяжемся клятвой навѣчною
Весеннюю волю беречь!

8 Марта 17.

ВСЯ

Милая, вѣрная, отъ вѣка Суженая,
Чистый цвѣтокъ миндаля,
Божьимъ дыханьемъ къ любви разбуженная,
Радость моя, — Земля!

Рощи лимонныя — и березовыя,
Мѣсяца тихій кругъ.
Зори Сициліи, зори розовыя, —
Пѣнье таежныхъ вьюгъ,

Даль неохватная и неистовая,
Сѣрыхъ болотъ туманъ —
Корсика призрачная, аметистовая
Вечеромъ, съ берега Каннъ,

Ласка нежданная, утоляющая
Неутолимую боль,
Шелестъ, дыханье, память страдающая,
Слезъ непролитыхъ соль —

Всю я тебя люблю, Единственная,
Вся ты моя, моя!
Вмѣстѣ воскреснемъ, за гранью таинственною,
Вмѣстѣ, — и ты, и я!

ПОЧЕМУ

О Ирландія, океанная,
Мной невидѣнная страна!
Почему ея зыбь туманная
Въ ясность здѣшняго вплетена?

Я не думалъ о ней, не думаю,
Я не знаю ея, не зналъ...
Почему такъ рѣжутъ тоску мою
Лезвія ея острыхъ скалъ?

Какъ я помню зори надпѣнныя?
Въ черной алости чаекъ стонъ?
Или памятью міра плѣнною
Прохожу я сквозь ткань временъ?

О Ирландія неизвѣстная!
О Россія, моя страна!
Не единая-ль мука крестная
Всей Господней землѣ дана?

Сент. 17.

ГИБЕЛЬ

Близкѝ
кровавые зрачки,
дымящаяся пѣной пасть…
Погибнуть? Пасть?

Чтò — мы?
Вотъ хрустъ костей… вотъ молнія сознанья
передъ чертою тьмы…
И — перехлестъ страданья…

Чтò мы! Но — Ты?
Твой образъ гибнетъ… Гдѣ Ты?
Въ сіяніе одѣтый,
безсильно смотришь съ высоты?

Пускай мы тѣнь.
Но тѣнь отъ Твоего Лица!
Ты вдунулъ Духъ — и вынулъ?

Но мы придемъ въ послѣдній день,
мы спросимъ въ день конца, —
за что Ты насъ покинулъ?

4 Сентября 17 г.

ТЛИ

Припавъ къ моему изголовью
ворчитъ, будто выстрѣлы, тишина;
запекшейся черною кровью
ночная дыра полна.

Мысли капаютъ, капаютъ скупо,
нѣтъ никакихъ людей...
Но не страшно... И только скука,
что кругомъ — все рыла тлей.

Тли по мартовскимъ алымъ зорямъ
прошли въ гвоздевыхъ сапогахъ.
Душа на ключѣ, на тяжкомъ запорѣ,
отвратъ... тошнота... но не страхъ.

28—29 Октября 17.
Ночью.

ВЕСЕЛЬЕ

Блевотина войны — октябрьское веселье!
Отъ этого зловоннаго вина
Какъ было омерзительно твое похмелье,
О бѣдная, о грѣшная страна!

Какому дьяволу, какому псу въ угоду,
Какимъ кошмарнымъ обуянный сномъ,
Народъ, безумствуя, убилъ свою свободу,
И даже не убилъ — засѣкъ кнутомъ?

Смѣются дьяволы и псы надъ рабьей свалкой,
Смѣются пушки, разѣвая рты...
И скоро въ старый хлѣвъ ты будешь загнанъ палкой,
Народъ, не уважающій святынь!

29 Окт. 17.

ЛИПНЕТЪ.

„Новой Жизни“ и пр.

Не спѣшите, подождите, соглашатели,
кровь влипчива, если застыла;
пусть сначала красная демократія
себѣ добудетъ немножко мыла...
Дѣтская-женская — особо въѣдчива,
вы потрите и подъ ногтями.
Соглашателямъ сѣсть опрометчиво
на Россію съ пятнистыми руками.
Нѣту мыла — достаньте хоть мѣсива,
чтобы каждая рука напоминала лилею...
А то смотрите: какъ бы не повѣсили
мельничнаго жернова вамъ на шею!

30 Окт. 17.

СЕЙЧАСЪ

Какъ скользки улицы отвратныя,
Какая стыдь!
Какъ въ эти дни невѣроятные
Позорно жить!

Лежимъ, заплеваны и связаны
По всѣмъ угламъ.
Плевки матросскіе размазаны
У насъ по лбамъ.

Столпы, радѣтели, водители
Давно въ бѣгахъ.
И только вьются согласители
Въ своихъ Це-кахъ.

Мы стали псами подзаборными,
Не уползти!
Ужъ разобралъ руками черными
Викжель — пути...

9 Ноября 17.

У. С.

Нашихъ дѣдовъ мечта невозможная,
Нашихъ героевъ жертва острожная,
Наша молитва устами несмѣлыми,
Наша надежда и воздыханіе, —
Учредительное Собраніе, —
Что мы съ нимъ сдѣлали...?

12 Ноября 17.

14 ДЕКАБРЯ 17 ГОДА

Д. Мережковскому.

Простятъ ли чистые герои?
Мы ихъ завѣтъ не сберегли.
Мы потеряли все святое:
И стыдъ души, и честь земли.

Мы были съ ними, были вмѣстѣ,
Когда надвинулась гроза.
Пришла Невѣста. И невѣстѣ
Солдатскій штыкъ проткнулъ глаза.

Мы утопили, съ визгомъ споря,
Ее въ чану Дворца, на днѣ,
Въ незабываемомъ позорѣ
И въ наворованномъ винѣ.

Ночная стая свищетъ, рыщетъ,
Ледъ по Невѣ кровавъ и пьянъ...
О, петля Николая чище,
Чѣмъ пальцы сѣрыхъ обезьянъ!

Рылѣевъ, Трубецкой, Голицынъ!
Вы далеко, въ странѣ иной...
Какъ вспыхнули бы ваши лица
Передъ оплеванной Невой!

И вотъ изъ рва, изъ терпкой муки,
Гдѣ по̀ дну вьется рабій дымъ,
Дрожа протягиваемъ руки
Мы къ вашимъ саванамъ святымъ.

Къ одеждѣ смертной прикоснуться,
Уста сухія приложить,
Чтобъ умереть — или проснуться,
Но такъ не жить! Но такъ не жить!

Іѣ.

БОЯТСЯ

Щетинятся сталью, трясясь отъ страха,
Залѣзли за пушки, примкнули штыкъ,
Но бѣгаетъ глазъ подъ сѣрой папахой,
Изъ чернаго рта — истошный рыкъ...
Присѣлъ, но взгудѣлъ, отпрянулъ кошкой...
А любо! Густа темь на дворѣ!
Скользнули пальцы, ища застежку,
По смуглымъ пятнамъ на кобурѣ...
Револьверъ, пушка, ручная граната-ль, —
Добру своему ты господинъ.
Иди, выходи-же, заячья падаль!
Вѣдь я безоруженъ! Я одинъ!

Да крѣпче винти, завинчивай гайки.
Нацѣлься... Жутко? Дрожитъ рука?
Мнѣ пуля — на мигъ... А тебѣ нагайки,
Тебѣ хлысты мои — на вѣка!

12 Января 18.

ОНА

Опять она? Безстыдно въ грязь
Колпакъ фригійскій сбросивъ,
Глядитъ, кривляясь и смѣясь,
И сразу обезносѣвъ.

Ты не узналъ? Конечно — я!
Не тѣ-же ль кровь и раны?
И пулеметная струя,
И бомбы съ моноплана?

Живу три года съ дуракомъ,
Цѣлуюсь ежечасно,
А вотъ, надула колпакомъ
И этой тряпкой красной!

Пиша миры свои, — ты мой!
И чѣмъ миры похабнѣй —
Тѣмъ крѣпче связь твоя со мной
И цѣпи неослабнѣй.

Остра, безноса и вѣрна —
Я знаю человѣка.
Ура! Да здравствуетъ Война,
Отнынѣ и до вѣка!

Янв. 18.

ТАКЪ ЕСТЬ

Если гаснетъ свѣтъ — я ничего не вижу.
Если человѣкъ звѣрь — я его ненавижу.
Если человѣкъ хуже звѣря — я его убиваю.
Если кончена моя Россія — я умираю.

Февр. 18.

МОСТЫ

И. В.

Говорить не буду о смерти,
и безъ словъ все вокругъ — о смерти;
кто хочетъ и не хочетъ — вѣрьте,
что живы мертвые.

Не отъ мертвыхъ — отступаю,
такъ надо — я отступаю,
такъ надо — я мосты взрываю,
за мостами — не мертвые...

Перекрутились, дымясь, нити,
оборвались, кровавясь, нити,
за мостами остались — взгляните!
живые — мертвѣе мертвыхъ...

Февр. 18.

ИМЯ

Безумные годы совьются во прахъ,
Утонутъ въ забвеньи и дымѣ.
И только одно сохранится въ вѣкахъ
Святое и гордое имя.

Твое, возлюбившій до смерти, твое,
Страданьемъ и честью вѣнчанный.
Проколетъ, прорѣжетъ его остріе
Багровые наши туманы.

Отъ смрада клеветъ — не угаснетъ огонь,
И лавръ на челѣ не увянетъ.
Георгій, Георгій! Гдѣ вѣрный твой конь?
Георгій Святой не обманетъ,

Онъ близко! Вотъ хрустъ перепончатыхъ крылъ
И брюхо развerзтое Змія...
Дрожи, чтобъ Святой и тебѣ не отмстилъ
Твое блудодѣйство, Россія!

Апрѣль 18.

ДВЕРЬ

Мы, умные, — безумны,
Мы, гордые, — больны,
Растлѣнной язвой чумной
Мы всѣ заражены.

Отъ боли мы безглазы,
А ненависть — какъ соль,
И ѣстъ, и травитъ язвы,
Ярить слѣпую боль.

О черный бичъ страданья!
О ненависти звѣрь!
Пройдемъ ли — Покаянья
Цѣлительную дверь?

Замки ея суровы
И створы тяжелы...
Желѣзные засовы,
Мѣдяные углы...

Дай силу не покинуть,
Господь, пути Твои!
Дай силу отодвинуть
Тугія верея!

Февр. 18.

НА ПОЛѢ ЧЕСТИ

О, сдѣлай, Господи, скорбь нашу свѣтлою,
Далекой гнѣва, боли и мести,
А слезы — тихой росой предразсвѣтною
О немъ, убіенномъ на полѣ чести.

Свѣча-ль истаетъ, Тобой зажженная?
Прими земную и, какъ невѣстѣ,
Открой поля Твои озаренныя
Душѣ убіеннаго на полѣ чести.

Февр. 18.

НѢТЪ

Она не погибнетъ, — знайте!
Она не погибнетъ, Россія.
Они всколосятся, — вѣрьте!
Поля ея золотыя.

И мы не погибнемъ, — вѣрьте!
Но что намъ наше спасенье:
Россія спасется, — знайте!
И близко ея воскресенье.

Февр. 18.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

21 (8) сентября 1918

г. Орел

Сочиненія З. Н. Гиппіусъ.

Собраніе стихотвореній. Книга первая. 1889—1903. Книгоиздательство „Скорпіонъ“. Москва. 1904. *(Распродано).*

Собраніе стихотвореній. Книга вторая. 1903—1909. Книгоиздательство „Мусагетъ“. Москва. 1910. *(Распродано).*

Новые люди. Первая книга разсказовъ. СПБ. 1-е изд. 1896; 2-е изд. 1907. *(Распродано).*

Зеркала. Вторая книга разсказовъ. СПБ. 1898. *(Распродано).*

Третья книга разсказовъ. СПБ. 1901. *(Распродано).*

Алый мечь. Четвертая книга разсказовъ. СПБ. 1907. *(Распродано).*

Черное по бѣлому. Пятая книга разсказовъ. СПБ. 1908. *(Распродано).*

Лунные муравьи. Шестая книга разсказовъ. Изд. „Альціона“. Москва. 1912. *(Распродано).*

Литературный дневникъ. Критическія статьи. СПБ. 1908. *(Распродано).*

Чортова кукла. Романъ. Изд. „Московскаго книгоиздательства“. М. 1911. *(Распродано).*

Романъ Царевичъ. Романъ. Изд. „Московскаго книгоиздательства“. М. 1913. *(Распродано).*

Зеленое кольцо. Пьеса. Изд. „Огни“. Петроградъ. 1916. *(Распродано).*

Цѣна 4 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
„НАУКА И ШКОЛА“
Литейный пр., 43.

Военная Типографія (въ зд. Гл. Шт.) Дворцовая пл., 10.